

Скриба А.С.

РЕАЛИЗМ И ПОЛИТИКА МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В XXI В.

Аннотация: Выводы, сделанные в рамках реалистических теорий, показали, что, на фоне снизившейся напряженности между сильными акторами международной политики, отношения именно между различными по потенциалу государствами содержат в себе вариации дальнейшего распределения силы и влияния в мире. При этом малые государства, чей субъектный статус за последние десятилетия существенно возрос, с одной стороны, вносят в международную политику дополнительное разнообразие, а с другой – не допускают в ней чрезмерную концентрацию силы. Традиционные для реализма политики балансирования и примыкания остаются базовыми моделями поведения государств и в наши дни, однако в современных условиях приобретают специфические особенности. Главной такой особенностью является возможность проведения малыми странами противоречивой политики, направленной одновременно и на сближение с региональным лидером, и на сохранение дистанции и относительной свободы действий. Важно, что от результата такого внешнеполитического дуализма в значительной мере будет зависеть будущая степень конфронтационности международной среды.

Review: Conclusions made within the theories of realism show that against the background of reduced tension between strong actors of international policy, relations between countries with different potentials create different variants of distribution of power and influence in the world. Noteworthy that small states which subjective status has considerably grown over the past decade bring additional variety into international policy, on one hand, and do not allow excessive concentration of power, on the other hand. Basic models of state behavior remain traditional for the realism of the balancing and adjoining policy but they acquire specific features under modern conditions. The main specific feature is the implementation of a rather contradictory policy by small states. This policy is aimed at getting closer to the regional leader and keeping the distance and retaining the region's freedom at the same time. It is very important to understand that the future confrontation of international environment depends on the results of such external political dualism.

Ключевые слова: Политическая теория, теории реализма, неоклассический реализм, балансирование, примыкание, малые государства, интеграция, экономические отношения, двусторонние конфликты, современные МО

Keywords: political theory, theory of realism, neo-classical realism, balancing behavior, adjoining, small states, integration, economic relations, bilateral conflicts, modern Ministers of Defense.

Введение

На протяжении долгого периода времени крупные региональные лидеры были главными акторами международной политики. Неслучайно в политической науке системы международных отношений характеризовались с точки зрения позиций главных мирополитических игроков, их влияния и баланса сил между ними. Последней такой системой была биполярная система международной политики, обозначенная так в контексте глобального противостояния СССР и США.

Однако современная действительность разительно отличается от прежних законов развития международной политики. Сегодня малые государства как никогда ранее получили всю полноту собственного суверенитета и большие возможности для самореализации. А главное –

теперь определение внешнеполитических приоритетов этих стран стало в большей степени прерогативой их национальных правительств.

Тем не менее, политика малых государств, несмотря на возросшую независимость, по-прежнему развивается в условиях сохраняющейся напряженности между сильными региональными лидерами. С одной стороны, это определенным образом ограничивает возможности поведения малых государств, создавая определенные рамки для его вариативности. С другой стороны, малые страны могут (и нередко пользуются этим) спекулировать на опасениях крупных государств, получая определенные экономические и политические дивиденды.

В целом можно сделать вывод, что традиционные типы поведения малых государств, предложенные учеными-реалистами, – балансирование и примыкания, уже не в полной мере соответ-

ствуют своему старому значению и более ранним законам развития международной политики. Повышающаяся роль малых государств в международных процессах повышает актуальность более углубленного изучения этих особенностей, направленного на обновление политической науки в соответствии с современными мирополитическими реалиями.

Часть 1. Реализм и неконфронтационная международная среда

Несмотря на то, что реализм в науке о международных отношениях, как и сама наука, зародился в Соединенных Штатах в 1940-е – 1950-е гг., многие из его положений и законов были известны задолго до середины XX в. Категориями «государственный интерес», «борьба за власть», «баланс сил» нередко оперировали Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс и др. Таким образом, принадлежность государству главной роли в международной политике есть следствие длительной истории развития человеческой цивилизации.

В 1948 г. американский ученый Х. Моргентау вводит понятие «политический реализм» – новое научное течение, исследующее законы и тенденции развития межгосударственных отношений. Его главными положениями стали шесть постулатов. Во-первых, политика, как и общество, подчиняется объективным законам развития, которые могут быть сформулированы и использованы для ее дальнейшего исследования. Во-вторых, главной измерительной величиной политического реализма, позволяющей оценить позиции того или иного государства и международную политику в целом, становится сила. В-третьих, сила, будучи абстрактной категорией, не является константной, и ее содержание может изменяться с течением времени. В-четвертых, реализм не отрицает наличие в международной политике моральных принципов и норм, однако отодвигает их на второй план позади национального интереса, который всегда на первом месте. При этом, в-пятых, реализм жестко разделяет моральные принципы во внешней политике и законы развития международной политики. Наконец, в-шестых, политический реализм, в отличие от иных теорий «моралистов», иссле-

дует политические законы обособленно от законов экономики, права и пр.¹

На протяжении трех десятков лет теория политического реализма хоть и подвергалась критике, однако оставалась главным реалистическим учением в науке о международных отношениях, пока в конце 1970-х гг. не зародилось новое научное направление, названное неореализмом, или структурным реализмом. Его основоположником принято считать другого американского политолога К. Уолца.

Неореалисты придерживались мнения, что главным императивом поведения государств (всех без исключения) является не борьба за власть (как у Моргентау), а выживание в относительно анархичной и зачастую агрессивной международной среде. Именно состоянием этой среды – международной структуры – и объясняется то или иное поведение государства на мировой политической арене, а само поведение является ни чем иным как реакцией на исходящие из анархичной среды угрозы².

Трактовка политики государств как реакции на внешние угрозы стала основой для формулирования сторонником неореализма, американским ученым С. Уолтом собственной «подтеории» структурного реализма – концепции баланса угроз. В ней Уолт рассматривает баланс сил в международной политике как непрерывное формирование и распад альянсов, обозначая (как и все неореалисты) два варианта поведения государств: балансирование (объединение со слабыми против более сильного или наращивающего силу государства) и примыкание (объединение с более сильными, англ. – *bandwagoning*)³.

С одной стороны, нельзя не согласиться, что структурный реализм как научное течение соответствовал не только международной политике времен Холодной войны (когда он достиг своей наивысшей популярности), но и более ранним историческим периодам. В частно-

¹ *Morgenthau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. —New York: Alfred A. Knopf, 1978. – 752 p.

² *Waltz K.* Theory of International Politics. – New York: McGraw Hill, 1979. – 256 p.

³ *Walt S.* The Origins of Alliances. – Cornell University Press, 1990. – 336 p.

сти, формирование альянсов и совместное противодействие агрессивной политике государства (сохранение статус-кво) было свойственно международным отношениям в Европе XVII – XIX вв., которые характеризовались как «Европейский концерт наций».

С другой стороны, необходимо отметить, что характеристики сегодняшних отношений между странами существенно отличаются от таковых, свойственных им в предыдущие исторические периоды. В настоящее время не наблюдается прошлых стремлений к «переделу поделенного мира», разделу сфер влияния и постоянной военной напряженности между главными акторами международной политики.

Некоторые ученые связывают это с процессами глобализации, принявшими в последние десятилетия общепланетарную распространённость в самых различных сферах общественной жизнедеятельности. Так, российский ученый С. Картунов полагал, что начиная с 1991 г. в международных отношениях наблюдается «упадок Вестфальской системы, размываемой процессами глобализации», которые «наносит все более сокрушительные удары по основе основ Вестфальской системы – национальному государственному суверенитету»⁴.

Думается, здесь необходимо уточнение, что не сама глобализация существенно меняет суть и принципы развития отношений между государствами, а то влияние, которое она оказывает на уровень напряженности в международной политике. До окончания «холодной войны» международной среде была свойственна повышенная конфронтационность, а военные силы или угроза ее применения являлись главными внешнеполитическими инструментами государств. Несомненно, в подобных условиях зависимость внешней политики от состояния международной среды (и иных внешних факторов) была колоссальной во всех странах мира, и в особенности – у малых государств, являющихся не столько субъектами, сколько объектами международной политики.

Современные международные отношения убедительно доказывают, что конфронтацион-

ность международной среды не является константной величиной. К слову, глобализация и рост экономической взаимозависимости является лишь одной из причин ее снижения. К другим таким причинам можно отнести развитие международного права, предоставившего народам право на самоопределение, процессы деколонизации, а также возникновение и распространение ядерного оружия, сделавшего войну между главными мирополитическими акторами бессмысленной и неприемлемой для каждой из сторон.

Из вышесказанного следует, что международная среда, в отсутствие своей конфронтационной характеристики, уже не может убедительно обосновать реакционность поведения государств. Более того, эта реакционность в отсутствие очевидных внешних угроз объективно снижается, что ставит перед реализмом вопрос о новых источниках и принципах международной политики в современных условиях. Логично предположить, что в отсутствие таких источников в международной среде, их поиск должен производиться внутри самого государства.

Говоря о первостепенной важности международной среды, сторонники структурного реализма часто ссылаются на модель бильярдных шаров, предложенную в 1960-е гг. американским политологом А. Уолферсом⁵. Согласно этой модели, государство рассматривается как бильярдный шар, траектория движения которого зависит исключительно от внешних воздействий, а не от того, какова структура самого предмета, материал, из которого он сделан, и пр. Иными словами, исторически «содержимое» государства не имело для неореализма определяющего значения.

Здесь можно вполне резонно возразить относительно первичности возникновения внешней политики и международной среды – действия и противодействия. Ведь международная политика появляется в тот момент, когда одно государство осуществляет свою внешнюю политику в отношении другого. Иными словами, если бы внешняя политика всегда зависела исключительно от состояния международной

⁴ Картунов С. В. Современная внешняя политика России. М., 2008.

⁵ Кондратов А. Международное поведение государств // Международные процессы. – 2011. – Т.9. – № 2(26).

Политика и общество 3 (111) • 2014

среды, то международная политика могла бы вовсе не состояться.

Таким образом, становится очевидно, что внешняя политика государства предусматривает комплекс мер, направленных не только на защиту его интересов от внешних угроз, но и на реализацию национальных интересов. Потребности в этой инициативной составляющей формируются под влиянием исключительно внутренней среды государства. При этом, чем большим потенциалом обладает та или иная страна – тем больше у нее возможностей сосредоточиться на реализации собственной политики, игнорируя вызовы и угрозы международной среды. О разнообразии таких внутренних источников (факторов) внешней политики еще в середине 1980-х гг. писал российский ученый М. Хрусталеv⁶.

Уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг. многие сторонники структурного реализма приходят к выводу о необходимости расширения теории за счет более углубленного изучения внутренней среды государства. В результате формируется новое научное течение – неоклассический реализм, автором которого принято считать американского политолога Г. Роуза. Новая теория пытается найти «золотую середину» между внутристрановыми факторами, влияющими на поведение государства, и фактором международной среды⁷. Таким образом, неоклассический реализм признает, что «шар движется уже не только под влиянием системных сил – его перемещение корректирует внутренняя динамика, то есть свойства самого объекта»⁸. При этом сторонники неоклассического реализма не исключают, что поведение страны может быть в большей степени мотивировано внутренними, а не внешними факторами⁹.

С одной стороны, можно зафиксировать, что сторонники реализма небезуспешно пытаются адаптировать классические теории к совре-

менным особенностям международной политики. Реалисты подтверждают, что поведение государств уже является не только и не столько рефлекторной реакцией на внешние вызовы, сколько связано с их инициативами, стремлениями и способностью реализации собственных интересов на международной арене. Однако с другой стороны, полученные неоклассическими реалистами выводы пока достаточно слабо коррелируют с конфронтационной характеристикой международной политики. Признавая влияние внутренней среды, на межгосударственном уровне они продолжают акцентировать внимание на политических процессах, связанных с вопросами безопасности.

Можно ли утверждать, что сегодня вопросы безопасности сохраняют свою актуальность, пусть и несколько снизившуюся в связи с особенностями современной международной среды? Несомненно, да. Однако означает ли это, что снижение их актуальности не способствует усилению иных аспектов международной политики? Скорее всего, это не так. В отсутствие очевидных внешних угроз формирование и развитие новых межгосударственных группировок будет все более зависеть не от баланса сил или угроз, а от возможности найти компромиссное решение – баланса интересов между странами. К слову, концепция именно с таким названием (баланс интересов) была предложена в начале 1990-гг. американским ученым Р. Швеллером¹⁰. Однако в те годы ее автор, исследуя поведение государств, все еще оставался в рамках традиционного структурного реализма с его акцентом на вопросах безопасности.

Сегодня, оценив развитие международной политики в течение более чем двух десятилетий после окончания «холодной войны», появляется возможность определить современные особенности поведения государств исходя из более широкого понимания международной политики, выходящей за рамки вопросов безопасности. И главными объектами дополнения здесь должны будут стать классические для реализма типы поведения государств на международной арене – балансирование и примыкание.

⁶ Хрусталеv М.А. Основы теории внешней политики государства – Москва. – 1984. – 79 с.

⁷ Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics – 1998 – №51.

⁸ Романова Т.А. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. – 2012. – №3.

⁹ Walt S. Alliances in a Unipolar World // World Politics —2009 – Vol. 61/1 – P. 86–120.

¹⁰ Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security 19:1 (Summer 1994).

Часть 2. Реализм и поведение государств

Природа международных отношений такова, что государства являются постоянными конкурентами. Это обусловлено тем, у каждого государства существуют собственные интересы, которые нередко вступают в конфликт с интересами оппонента. На практике это приводит к конкуренции за положение и статус в международной системе, лучшие условия сотрудничества и преференциальный доступ к ресурсам других странах, а также за сами страны в целом.

При этом международная политическая арена представлена странами, различными по своему потенциалу. В отсутствие жесткой иерархической системы и общепризнанного надгосударственного арбитра выживание и борьба за лучшие условия существования требует постоянного сдерживания оппонента за счет либо внутренних ресурсов, либо формирования временных союзов.

Исследуя модели поведения государств в условиях подобной конкуренции, ученые-реалисты обозначили два их главных типа – балансирование и примыкание. Примечательно, что в отдельных реалистических теориях эти типы поведения описываются несколько по-разному.

Так, в политическом реализме Моргентау исследуются законы балансирования, которые выстраиваются вокруг отношений между империалистическим государством и нейтральной державой, которые конкурируют за третью сторону – малую страну. Отношения между первыми двумя крупными государствами находятся в состоянии равновесия (баланс сил). При этом сам Моргентау считал угрозой международной стабильности именно угрозу, исходящую от империалистических государств, а потому в его понимании балансирование – это политика, направленная на сохранение статус-кво в международной среде посредством защиты малых государств от враждебного поглощения.

Структурный реализм Уолца переносит акцент с системы баланса сил на поведение государств. Он соглашается, что балансирование – это политика недопущения нарушения равновесия системы, проводимая крупными государствами (хотя уже независимо от их «империалистичности»). В то же время он дает определение и поведению малых государств (если они так-

же участвуют сохранении статус-кво) – политика примыкания.

В теории баланса угроз Уолт несколько иначе смотрит на эти типы поведения. По его мнению, балансирование – это всегда создание альянса против источника угрозы, в то время как примыкание подразумевает сближение с таковым. Именно поэтому чем крупнее государство, тем более вероятно проведение им политики балансирования. У малых государств выбор той или иной политики зависит от ряда дополнительных факторов: близость источника угрозы, возможность привлечение внешней поддержки, агрессивность источника угрозы и пр.

Тем не менее, несмотря на некоторые различия в трактовках балансирования и примыкания, нетрудно заметить, что во всех трех случаях поведение крупных государств является их осознанным выбором, в то время как политика малых стран полностью определяется внешними обстоятельствами.

Подобная ориентация на поведение государств в контексте международной конфронтации и внешней угрозы сохраняет свою актуальность и сегодня в некоторых регионах мира. Вопросы безопасности по-прежнему являются определяющими в международной политике, например, стран Ближнего Востока, Кавказа и, в несколько меньшей степени, Юго-Восточной Азии. В частности, здесь нетрудно заметить долгосрочное «оборонное» примыкание Израиля и Тайваня к США, а также Абхазии и Южной Осетии – к России.

Однако в целом приходится констатировать, что реакционность поведения большинства стран мира в настоящее время все более снижается. Это приводит к новым тенденциям во взаимоотношениях как между крупными государствами, так и между неравными по потенциалу субъектами.

Прежде всего, нужно обозначить влияние снизившейся конфронтационности международной среды на отношения между крупными державами. Несмотря на то, что еще в 1990-е гг. неореалисты предсказывали неминуемое образование новой системы баланса сил¹¹, в настоящее

¹¹ Waltz K. Structural Realism after the Cold War // International Security – 2000. – Vol. 25/1. – P. 5–41.

Политика и общество 3 (111) • 2014

время обнаружение этой системы, так же, как и формирующих ее государств, весьма затруднительно. Причиной этому можно назвать тот факт, что в современном мире преобладает тенденция не концентрации силы (необходимой для появления великих держав), а ее распределения между государствами¹².

В результате мы видим сразу несколько крупных по потенциалу субъектов (США, Европейский союз, Россия, Китай, Япония, Индия), а также множество региональных лидеров, в отношениях между которыми отсутствует жесткая система баланса сил. В подавляющем большинстве случаев в двусторонних отношениях между ними также отсутствует и военная напряженность, а потому отсутствуют объективные предпосылки для долгосрочного балансирования друг друга. Здесь наиболее подходящим описанием нынешнего состояния международных отношений видится понятие «бесполярность» – мир, в котором доминирует не один, два или несколько государств, а десятки акторов, обладающих различными типами силы¹³.

Однако вместе с тем нельзя не отметить, что крупные государства все же продолжают (хоть и в меньшей степени, чем раньше) беспокоиться о собственной безопасности в глобальном контексте¹⁴, а потому многие из них ищут новые механизмы ее обеспечения, также как и поддержания собственного высокого статуса на международной политической арене.

Изменения в международной среде оказали существенное влияние на политику не только крупных, но и малых государств. Исторически статус малой страны характеризовался ограниченными ресурсами и вытекающей из этого невозможностью обеспечить собственную безопасность. Так, российский ученый Н. Кавешников констатировал низкий уровень влияния малых стран на международные процессы, а также их способность выживать в отношениях с крупными государствами лишь в одном из трех следующих случаях: существование баланса сил между

державами, которые будут опасаться его нарушить (Бельгия до Второй мировой войны); защита, покровительство или протекторат со стороны великой державы (современный Израиль); невыгодность завоевания малой страны, как правило, из-за отсутствия у нее ценных ресурсов, высоких издержек по завоеванию и поддержанию контроля, либо если «ценность» такой страны состоит именно в ее независимости (Швейцария как «европейский банкир», полунезависимый статус Гонконга как «окна в мир» для Китая)¹⁵.

Вторичный статус малых государств в международной политике позволил американской исследовательнице Дж. Хей заявить об отсутствии у них долгосрочной стратегии и сформулировать ряд их поведенческих особенностей. К последним она отнесла низкий уровень участия в международных делах и акцент на решение узкого круга внешнеполитических вопросов. Также, по ее словам, малые и государства ограничивают свою активность ближайшим географическим пространством и используют не военные, а дипломатические и экономические инструменты внешней политики, делают упор на принципы международного права, придерживаются нейтралитета и ориентируются на великие державы в вопросах безопасности, ресурсов, создании партнерств¹⁶.

Действительно, в конфронтационной международной среде политика малых государств, охарактеризованная Дж. Хей, в значительной степени ограничена внешними факторами, а потому не может быть реализована в полной мере, что и является главной причиной их «дистанцированности» от международных проблем. Снижение же конфронтационности внешней среды открывает перед малыми государствами значительно более широкий диапазон возможностей. В подтверждение данного тезиса российская исследовательница И. Кудряшова заявляет, что в современном мире малые и средние государства не только не утратили свое значение в развитии международных отношениях, но, напро-

¹² Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87/3. – P. 44–56.

¹³ Там же

¹⁴ Walt S. Alliances in a Unipolar World // World Politics — 2009 – Vol. 61/1 – P. 86–120.

¹⁵ Кавешников Н.Ю. Малые и вредные // Международные процессы – 2008. – Т.6. – № 3. – С. 84–92.

¹⁶ Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / Ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003.

тив, эффективно демонстрируют способность к выживанию (вопреки прогнозу К.Хаусхофера о неизбежном сокращении их числа) и даже увеличивают свою роль и влияние на международные процессы¹⁷.

В то же время остается очевидным, что даже в отсутствие внешних угроз малые страны – в силу ограниченности собственного потенциала – по-прежнему не способны эффективно конкурировать с более развитыми крупными государствами на международной политической арене. В связи с этим появляется объективная необходимость их усиления за счет внешних источников.

Международная практика показывает, что перспективы кооперации друг с другом у малых государств являются крайне невысокими. Таким образом, единственным потенциальным источником роста силы становятся более сильные конкуренты, также заинтересованные в двустороннем сотрудничестве, однако преследующие в нем собственные цели. В результате в рамках сотрудничества с более сильными акторами малые страны ориентированы на поиск такой его модели, которая бы позволили им, с одной стороны, сохранить собственный суверенитет, а с другой – улучшить свое внутреннее (экономическое) и мирополитическое положение. В подтверждение этого можно привести слова Швеллера о том, что в постбиполярном мире политика примыкания связана уже не столько с вопросами безопасности (в отличие от балансирования), сколько с поиском возможностей получения выгоды¹⁸.

Резюмируя вышесказанное, можно зафиксировать, что в нынешней неконфронтационной международной среде страны ориентируются в большей степени не на формирование альянсов с целью противодействия потенциальной угрозе, а на поиск путей взаимовыгодного сотрудничества. В результате отсутствия полярности и постоянной военной напряженности между крупными странами акцент современной международной политики переносится на диалог сильных акторов и малых государств. При этом интересы различных по потенциа-

лу субъектов являются во многом противоречивыми: крупные государства ставят своей целью сохранение международного статуса и расширение влияния на новые территории, в то время как малые страны заинтересованы в получении выгоды без ограничения их суверенитета. Это противоречие и будет формировать современные особенности политики балансирования и примыкания.

Часть 3. Поведение государств в неконфронтационной международной среде

В условиях ограниченных возможностей применения силы и экспорта безопасности (из-за сокращения числа угроз со стороны международной среды) крупные государства все чаще вынуждены искать невоенные пути распространения своего влияния. Главным таким инструментом в диалоге с малыми государствами становится приграничное сближение – региональная интеграция.

В наши дни отправной точкой региональной интеграции становится обеспечение уже не военной, а экономической безопасности. Малые государства объективно нуждаются в доступе к внешним ресурсам (природным, трудовым, финансовым), более емком рынке сбыта готовой продукции, стабильных макроэкономических условиях развития. Решением этих вопросов становится экономическое сближение с более сильным и конкурентоспособным актором – формирование таможенного союза, зоны свободного перемещения капитала, товаров, услуг и трудовых ресурсов,

Тем не менее, наравне с очевидными преимуществами, региональная интеграция предполагает и ряд ограничений, которые по мере ее углубления становятся все более ощутимыми для малых стран.

Интеграционные процессы предполагают создание наднациональных органов (торгово-экономических, валютно-финансовых и пр.), которым государства постепенно передают свои полномочия, тем самым ограничивая собственный суверенитет. Несмотря на то, что представительство в этих органах может быть поровну распределено между всеми участниками интеграции, вполне очевидно, что реше-

¹⁷ Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. – 2008. – Т.6. – № 3(18).

¹⁸ Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security 19:1 (Summer 1994).

Политика и общество 3 (111) • 2014

ния, обязательные для исполнения, будут приниматься в первую очередь в интересах более крупного члена объединения, от которого в большей степени зависит развитие группировки в целом. Иначе говоря, способность влиять на решения наднациональных органов у малых государств будет относительно невысоки.

Подобные интеграционные ограничения могут оказывать негативное влияние и на политическую конкуренцию внутри страны, когда различия между предвыборными программами будут все более размываться в связи с отсутствием у государственной власти прежних полномочий. В этом контексте самые региональная интеграция становится серьезным вызовом политической стабильности авторитарных и переходных режимов, где экономические инструменты являются одними из главных методов удержания власти.

Напротив, крупные государства заинтересованы в постоянном продолжении и углублении интеграции. Позиционируя себя в качестве регионального лидера и лидера группировки, они сохраняют свой высокий статус на международной арене. Одновременно передача полномочий в наднациональные органы сохраняет возможность эффективного лоббирования собственных интересов и – через механизм обязательного выполнения принимаемых решений – распространять свои интересы и влияние на интегрируемые государства. При этом чем более асимметричны потенциалы участников интеграции, тем больше у регионального лидера возможностей диктовать свою политику более слабым ее участникам, что, по мнению некоторых ученых, способствует стабильности и долговременности образованной группировки¹⁹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в наши дни региональная интеграция является весьма противоречивым процессом, а потому ответ на ее вызовы со стороны малых государств – выбор политики балансирования или примыкания – становится весьма ответственным политическим решением.

Может ли малое государство избежать вовлечения в интеграцию и сохранить собствен-

ный внеблоковый статус? Международная практика свидетельствует, что это так. Именно такое поведение может быть обозначено как политика балансирования, ведь, отказываясь от сближения с сильным международным актором, малое государство тем самым сохраняет нынешнее распределение силы и не участвует в ее концентрации.

Политика балансирования в этом случае может быть успешно реализована при одном из следующих обстоятельств.

Во-первых, региональная интеграция предполагает сближение сильного актора с близлежащими (приграничными) малыми государствами. Это необходимо для эффективного формирования единой таможенной территории. Таким образом, малое государство, которого отделяет от интеграции иные страны или другие пространства (море, океан), может вполне успешно сохранить внеблоковый статус. В качестве примера здесь можно привести Армению, Таможенный союз и «разделяющий» их Азербайджан.

Во-вторых, малое государство способно отказать от участия в интеграции по причине недостаточности внутренних ресурсов и отсутствия очевидного интереса в экономическом сближении с региональным лидером. При этом у сильного актора в такой ситуации пропадают инструменты невоенного давления и принуждения к интеграции. Самыми очевидными примерами здесь являются богатые нефтедобывающие страны, такие как Норвегия (не участвует в ЕС) и Азербайджан (не участвует в ТС).

В-третьих, малое государство, находясь на стыке интересов сразу нескольких региональных лидеров, может спровоцировать конфронтационность их отношений и манипулировать их опасениями. В случае, если это удастся, то результатом такого поведения становится, с одной стороны, возврат к классической политике балансирования, когда «защитой» от интеграции в одном из направлений выступает оппонирующая сторона, а с другой – такая политика может позволить малому государству привлекать ресурсы поочередно сразу с нескольких направлений, оставаясь при этом внеблоковым независимым субъектом. Российский ученый В. Цымбурский приписывал такой тип поведе-

¹⁹ Walt S. Alliances in a Unipolar World // World Politics — 2009 – Vol. 61/1 – P. 86–120.

ния малым межцивилизационным и окраинным конструкциям – лимитрофам и лимесам²⁰.

Однако в целом в большинстве случаев издержки отказа от интеграции оказываются слишком высокими и являются неприемлемой платой за сохранение всей полноты государственного суверенитета. Более того, отказ от интеграции еще не означает отказ от исполнения норм и законов, принимаемых в рамках группировки. Отдельные случаи из международной практики показывают, что при высокой степени сближения с интеграционным объединением малое государство будет вынуждено во всем следовать логике регионального лидера и фактически принимать законодательство, в разработке которого не участвуют и которое не всегда отвечает его интересам²¹. Это факт, без сомнения, также оказывает существенное влияние на принимаемое внешнеполитическое решение.

В результате, когда малое государство оказывается неспособно убедительно противостоять стремлению крупной державы вовлечь его в зону своего влияния, факт его дальнейшего участия в группировке является практически предрешенным, и политика примыкания кажется единственным возможным вариантом поведения.

Тем не менее, существуют случаи, когда политика примыкания со стороны малого государства не является гарантом успешной региональной интеграции и постоянного углубления данного процесса. Более того, в двух самых развитых на сегодняшний день политико-экономических группировках (Европейском союзе и формируемом Евразийском союзе) именно «младшие партнеры» регионального лидера нередко становятся главными сдерживающими факторами дальнейшего интеграционного сближения.

В случае Европейского союза примерами подобной ситуации могут служить Ирландия, которая дважды парализовала работу Евросоюза, ратифицировав Ниццкий и Лиссабонский договоры лишь со второй попытки, а также малые государства Восточной Европы, последними

одобрившие эти договоры. При этом Президент Чехии В.Клаус, выступая 19 февраля 2009 г. в Европарламенте и комментируя передачу полномочий (а значит и части суверенитета) наднациональным органам, вовсе сравнил ЕС с Советским союзом²². Здесь же можно вспомнить и «политику шантажа», которой активно пользовалось правительство Греции в 2012 г. в период обострения долгового кризиса. По мнению российского исследователя Д. Офицера-Бельского, лидеры ЕС все более становятся «заложниками» своих более слабых партнеров и зачастую вынуждены идти на уступки «пассажирам» интеграции²³.

В рамках евразийской интеграции наиболее яркими примерами таких случаев являются белорусско-российские противоречия по вопросам поставок в России белорусских промышленных товаров и продовольствия, а также доступа Беларуси на российский рынок добычи энергоресурсов и возможности импорта сырья по внутрироссийским ценам. Итогом двусторонних разногласий также не единожды становилась «политика шантажа» – угроза отказа от участия в евразийской интеграции. Существуют вопросы и по поводу долгосрочности заинтересованности Казахстана в этом объединении, которое пока видится скорее как попытка усилить экономическую безопасность страны в ответ на нарастающее присутствие Китая в среднеазиатском регионе.

Из приведенных примеров можно сделать вывод о появлении в международной практике с точки зрения теорий реализма нового феномена – возможности одновременной реализации малыми государствами двух политик – балансирования и примыкания. С одной стороны, малое государство стремится развить интеграцию в выгодном для нее русле, получив от участия в группировке максимальную выгоду. С другой стороны, развитие интеграции в глазах малых стран имеет свой предел (у каждого государства – раз-

²⁰ Цымбурский В. Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. – 1997. Т. 2 – № 3. – С. 170-174.

²¹ Бордачева Т. В. Интеграция и суверенитет в 21 веке (Доклад). – 2013. http://www.soyuzinfo.am/rus/analitics/detail.php?ELEMENT_ID=325.

²² Klaus rocks European Parliament // Euronews, 2009. <http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament/>

²³ Офицеров-Бельский Д. Перспективы общей внешней политики ЕС // Международные процессы – 2013 – №1. С. 122 – 131.

Политика и общество 3 (111) • 2014

ный, в зависимости от ряда внутренних факторов), за которым передача суверенитета уже не компенсируется получаемыми выгодами, и интеграционные процессы останавливаются.

Таким образом, балансирование в неконфронтационной среде – это политика, направленная на сохранение внеблокового статуса или недопущение концентрации силы в руках регионально-го лидера (борьба за сохранение суверенитета). Примыкание может быть описано как политика вовлеченности в региональную интеграцию, предусматривающая ограничение суверенитета ради получения выгоды. Можно с высокой долей вероятности предположить, что от того, какая из этих двух политик станет преобладающей, будет зависеть будущее распределение силы в международной политике.

* * *

Новое содержание политик балансирования и примыкания, отличающее их от оборонной политики (изучаемой структурным реализмом), является объективным следствием изменений в международной структуре, благодаря которым малые государства получили большие возможности реализовать свои интересы.

Примечательно, что, получив новые возможности в неконфронтационной международной среде, малые государства сегодня являются, наверное, самыми главными ее защитниками. Именно они стали самыми яркими сторонниками принципов международного права и выступают за всеобщее равенство на международной политической арене. На практике же политика балансирования малых государств препятствует концентрации силы даже в случае их участия в региональной интеграции, что также способствует сохранению нынешнего статус-кво. Иными словами, в новых условиях именно потенциал малых стран и их внешнеполитический выбор будет оказывать все большее влияние на международные процессы, превращая их в полноценных акторов международной политики.

Тем не менее, пока говорить о постоянной стабилизации международной среды и наступлении эпохи мира все же преждевременно. Положительное влияние политики малых государств на международную стабильность есть не

их внешнеполитическая цель, а лишь следствие их стремления к выживанию. Действительно, сегодня их желание сблизиться с сильными мира сего является ограниченным, так как интеграционные выгоды со временем перестают компенсировать ограничение суверенитета. Однако что будет, если некая стремительно растущая сила, неудовлетворенная своим мирополитическим положением и статусом, сделает предложение, от которого малое государство уже не сможет или не станет отказываться?..

Библиография:

1. Бордачева Т.В. Интеграция и суверенитет в 21 веке (Доклад). – 2013. http://www.soyuzinfo.am/rus/analytics/detail.php?ELEMENT_ID=325.
2. Кавешников Н.Ю. Малые и вредные // Международные процессы – 2008. – Т.6. – № 3. – С. 84–92.
3. Кондратов А. Международное поведение государств // Международные процессы. – 2011. – Т.9. – № 2(26).
4. Кортунов С. В. Современная внешняя политика России. М., 2008.
5. Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. – 2008. – Т.6. – № 3(18).
6. Офицеров-Бельский Д. Перспективы общей внешней политики ЕС // Международные процессы – 2013 – №1. С. 122 – 131.
7. Романова Т.А. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. – 2012. – №3.
8. Хрусталева М.А. Основы теории внешней политики государства – Москва. – 1984. – 79 с.
9. Цымбурский В. Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. – 1997. Т. 2-№ 3. – С. 170-174.
10. Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87/3. – P. 44–56.
11. Klaus rocks European Parliament // Euronews, 2009. <http://www.euronews.com/2009/02/19/klaus-rocks-european-parliament/>
12. Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. — New York: Alfred A. Knopf, 1978. – 752 p.
13. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics – 1998-№51.

14. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // *International Security* 19:1 (Summer 1994).
15. *Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior* / Ed. by Jeanne A. K. Hey. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003.
16. Walt S. Alliances in a Unipolar World // *World Politics* —2009 – Vol. 61/1 – P. 86–120.
17. Walt S. *The Origins of Alliances*. – Cornell University Press, 1990. – 336 p.
18. Waltz K. Structural Realism after the Cold War // *International Security* – 2000. – Vol. 25/1. – P. 5–41.
19. Waltz K. *Theory of International Politics*. – New York: McGraw Hill, 1979. – 256 p.
6. Ofitserov-Bel'skii D. Perspektivy obshchei vneshnei politiki ES // *Mezhdunarodnye protsessy* – 2013 – №1. S. 122 – 131.
7. Romanova T.A. O neoklassicheskom realizme i sovremennoi Rossii // *Rossiya v global'noi politike*. – 2012. – №3.
8. Khrustalev M.A. *Osnovy teorii vneshnei politiki gosudarstva* – Moskva. – 1984. – 79 s.
9. Tsyburskii V. L. *Narody mezhdru tsvilizatsiyami // Pro et Contra*. – 1997. T. 2 – № 3. – S. 170-174.
10. Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // *Foreign Affairs*. – 2008. – Vol. 87/3. – P. 44–56.
11. Morgenthau H. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised*. — New York: Alfred A. Knopf, 1978. – 752 p.
12. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics* – 1998-№51.
13. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // *International Security* 19:1 (Summer 1994).
14. Walt S. Alliances in a Unipolar World // *World Politics* —2009 – Vol. 61/1 – P. 86–120.
15. Walt S. *The Origins of Alliances*. – Cornell University Press, 1990. – 336 p.
16. Waltz K. Structural Realism after the Cold War // *International Security* – 2000. – Vol. 25/1. – P. 5–41.
17. Waltz K. *Theory of International Politics*. – New York: McGraw Hill, 1979. – 256 p.

References (transliteration):

1. Bordacheva T. V. Integratsiya i suverenitet v 21 veke (Doklad). – 2013. http://www.soyuzinfo.am/rus/analitics/detail.php?ELEMENT_ID=325.
2. Kaveshnikov N.Yu. Malye i vrednye // *Mezhdunarodnye protsessy* – 2008. – T.6. – № 3. – S. 84–92.
3. Kondratov A. Mezhdunarodnoe povedenie gosudarstv // *Mezhdunarodnye protsessy*. – 2011. – T.9. – № 2(26).
4. Kortunov S. V. *Sovremennaya vneshnyaya politika Rossii*. M., 2008.
5. Kudryashova I.V. Legko li byt' srednevelikim // *Mezhdunarodnye protsessy*. – 2008. – T.6. – № 3(18).